

УДК 94(476) «1941/1944»: 619

Е.А. Гребень

ВЕТЕРИНАРНАЯ СЛУЖБА В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье на основе ранее значительного массива архивных документов рассматривается не изученный аспект экономической политики нацистов в Беларуси, как система ветеринарии. Отмечается, что нарушение функционирования довоенных ветеринарных структур, высокая стоимость ветеринарных услуг, хаотичное передвижение домашнего скота вследствие принудительных миг-раций населения на оккупированной территории приводило к резкому увеличению эпизоотических заболеваний по сравнению с довоенным временем, что сокращало поголовье скота и усложняло суровую оккупационную действительность. Реконструирован механизм функционирования ветеринарных структур в составе органов коллаборационной администрации, на конкретных примерах охарактеризованы меры по борьбе с эпизоотией, показаны масштабы заболеваний скота в период оккупации. Констатируется, что вынужденное внимание немецкой оккупационной к ветеринарным мероприятиям явилось следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории.

Введение

Нацистский оккупационный режим на территории Беларуси достаточно подробно разработан в отечественной историографии. В то же время колоссальная база источников позволяет более детально исследовать различные аспекты немецкой оккупационной политики. Целью статьи является реконструкция ветеринарной системы периода нацистской оккупации и оценка эффективности ее функционирования.

Нарушение работы довоенных ветеринарных структур, высокая стоимость ветеринарных услуг, хаотичное передвижение домашнего скота вследствие принудительных миграций населения на оккупированной территории приводило к росту эпизоотических заболеваний, что сокращало поголовье скота и еще более усложняло и без того суровую оккупационную действительность.

Формирование ветеринарных структур

Уже осенью 1941 г. в составе коллаборационной администрации были созданы подразделения ветеринарных служб. Документы коллаборационной администрации дают представление о функционировании ветеринарных структур. Например, в Могилеве до весны 1942 г. городской ветеринарный отдел отсутствовал, ветеринарной помощью занимался земельный отдел, в штате которого состоял городской ветеринарно-санитарный врач. С 1.04.1942 г. в составе городского управления был создан ветеринарный отдел как отдельная административная единица со штатом 4 чел.: начальник отдела – ветврач, ветеринарный фельдшер, секретарь-счетовод, кучер-конюх. В подчинении отдела находились две бойни, на которых работало 2 ветврача (они же заведующие боен), 2 убойщика скота и 2 сторожа. Отдел выполнял функции, практически аналогичные довоенным, с той разницей, что в его подчинении не было уже лечебного учреждения как в довоенные годы, ветлечебница подчинялась ветеринарному отделу Могилевской районной управы. Отделу подчинялись две скотобойни со штатом ветврач, забойщик скота и сторож в каждой. Ветеринарный отдел выполнял такие же функции, что и до войны, с той лишь разницей, что городская ветлечебница находилась в ведении районного ветеринарного отдела; специальные мясоконтрольные станции отсутствовали, и осмотр мяса производился на бойнях. В функции отдела входил учет и оборудование кузниц в городе, проведение туберкуликации, борьба с эпизоотией ящура путем карантина, дезинфекции, лечения и вакцинации, периодическая проверка состояния пригородных хо-

зйств, гужевого транспорта, заготовительных и мясных складов, столовых. Работа ветеринарного отдела курировалась ветеринарным отделом фельдкомендатуры [1, л. 48].

С момента организации первыми мероприятиями ветотдела были: учет всех кузниц и их оборудования; проведена проверка на туберкулез всего крупного рогатого скота в городе путем туберкулезаии; борьба с эпизоотией ящура путем введения карантина, лечения заболевших животных, дезинфекции помещений. Работники ветотдела периодически проводили проверку ветеринарного состояния пригородных хозяйств, гужевого транспорта, складов Заготскот, шерсти и пушнины, мясных складов и столовых городского управления. Все мероприятия проводились в контакте и под наблюдением ветеринарного отдела Полевой и местной комендатур [1, с. 48].

Лепельский район обслуживала ветеринарная лечебница в Лепеле и 7 ветеринарных пунктов в местечках Камень, Пышно, деревнях Несино, Ляховичи, Волосовичи, Свяда, Воронь. В 1942 г. в районе фиксировались такие заболевания скота, как рожа свиней (Лепель, Лепельская, Каменская и Полянская волости), чесотка лошадей (Несинская, Каменская, Пышнянская, Лепельская, Стайская волости), энцефало-миелит лошадей (Волосовичская волость), чума свиней (Полянская волость) и чесотка овец (Сущанская волость) [2, с. 136–137].

Многие граждане не могли обращаться в ветеринарные службы из-за высокой стоимости услуг. В качестве иллюстрации можно привести расценки на ветеринарные услуги в Гомельском округе, утвержденные на период с 1.09.1941 г. по 1.01.1942 г. Первичный прием ветеринаром крупного рогатого скота и лошадей стоил 15 руб., повторный – 5 руб., мелкого рогатого скота и свиней – 10 и 2 руб. соответственно, птиц и кроликов – 3 и 1 руб., собак и кошек – 10 и 2 руб.; вызов на дом ветеринара к животным всех видов стоил 30 руб., экспертиза на предмет определения трудоспособности – 25 руб. (на дому – 50 руб.); кастрация – 10–30 руб. (на дому – 15–50 руб.); туберкулезаия и маллеинизация – 5 руб. [3, с. 92]. 3.01.1944 г. было издано распоряжение начальника Борисовского округа о порядке взимания сборов с населения за ветеринарную помощь. Частная ветеринарная практика временно воспрещалась, оплата ветперсонала производилась по установленным окладам с возможностью компенсации дополнительного вознаграждения в случае лечения животного вне места жительства ветеринарного работника (10 руб. за каждые 3 км.), при оказании помощи во время действия комендантского часа и ночное время (от 50 до 100% от установленных сборов). Амбулаторное лечение в лечебнице или фельдшерском пункте мелких животных составляло 10 руб., крупных животных 20 руб.; стационарное лечение крупных и мелких животных стоило 10 руб., причем питание предоставлял владелец животного; исследования во время беременности – 20–40 руб., помощь природам мелким животным – 30–60 руб., крупным – 60–150 руб.; кастрация и прочие хирургические действия оценивались в 10–200 руб. в зависимости от возраста и размера животного; лечение ран стоило 15 руб., лечение внутренних заболеваний – 10–50 руб.; уничтожение паразитов в газовой камере – 25–40 руб., инъекции и вакцинация – 10–30 руб.; обследование убитого скота – 15–30 руб.; выдача ветеринарного свидетельства – 5 руб.; выдача свидетельства о состоянии здоровья животного для судебных целей или подтверждения временной нетрудоспособности – 50 руб. [4, с. 1–2].

К концу оккупации вследствие возрастающей важности сохранения конского поголовья, которое катастрофически сокращалось, могла практиковаться бесплатная помощь владельцам лошадей. Приказом начальника Березинского окружного управления от 21.04.1944 г. в целях борьбы с эпизоотией чесотки отменялась оплата за лечение лошадей в газокамерах. Как и прежде владельцы лошадей были обязаны приводить животных на лечение; за уклонение от лечения или нарушение установленного курса ле-

чения полагался штраф до 2 000 руб. с возможной заменой его принудительными работами сроком на месяц [5, с. 26].

Профилактика

Ветеринарные подразделения коллаборационной администрации постоянно осуществляли мониторинг эпизоотической ситуации и проводили профилактические мероприятия. Вспышки эпизоотии фиксировались уже осенью 1941 г. В декабре 1941 г. в Браславском районе наблюдалась чесотка коней. Крестьянам рекомендовалось обращаться за ветеринарной помощью (платной), заболевшие кони могли использоваться только на территории своего хозяйства (карантинная мера) во избежание дальнейшего распространения инфекции. Районный ветеринарный врач сообщил всем ветеринарным пунктам разработанный проф. Демьяновичем способ (характеризуется как простой и эффективный) лечения чесотки у лошадей: в остриженную и вымытую мылом кожу животного рекомендовалось втирать 60% раствор гипосульфита (серноватисто-кислого натрия), после высыхания кожи через 3–3,5 часа водный раствор соляной кислоты, повторяя процедуру дважды в день, после чего лошади давался 2–3-дневный отдых и усиленное питание. В случае тяжелого заболевания процедура повторялась [6, с. 18].

Для предотвращения эпидемий проводился обязательный осмотр скота. На основании приказа Могилевского городского управления № 66 от 2.10.1941 г. предписывалось провести поголовное обследование крупного рогатого скота на бруцеллез по реакции Райта в срок с 27.10 по 29.10.1941 г. 27.10 планировалось обследование скота, владельцы которого проживали в поселке и станции Луполово, поселке Броды, Авторемонтного завода и торфозавода Гребенево, 29.10 – граждане, проживавшие в остальной части города. За взятие пробы и исследование в Облветлаборатории взималась плата 10 руб. за голову, за уклонение от доставки скота предусматривался штраф в размере 50 руб. и принудительная доставка скота полицией на осмотр [7, с. 98А]. Начальник Клецкой районной управы предписывал волостным бургомистрам организовать 3.05.1943 г. прививки против рожи свиней старше двух месяцев и присутствовать при вакцинации. Устанавливалась плата за прививку: для государственного ветеринарного фельдшера – 0,2 марки за голову скота, для ветврача – 0,3 марки, для частнопрактикующих ветфельдшера и ветврача – 0,3 и 0,4 марки соответственно [8, с. 126]. Оршанское районное земельное управление 4.05.1943 г. поручило бургомистру Орши обеспечить доставку поголовья коз для осмотра к 9.00 11.05.1943 г. на площадь возле бывшего кинотеатра [9, с. 203].

В рамках профилактических мероприятий проводилась маллеинизация скота (метод диагностического обследования животных на заболевание сапом). На основании приказа № 5 от 1.06.1943 г. по Осиповичскому окружному управлению предписывалось провести ряд мероприятий в целях предохранения домашних животных от заразных заболеваний: провести дезинфекцию в подозрительных хозяйствах; провести 100-процентную туберкулизацию крупного рогатого скота (с оплатой по 20 руб. за голову); с целью предотвращения распространения заболевания сапом (поскольку лошади поступали в округ из разных мест) провести маллеинизацию всех лошадей (с оплатой по 25 руб. за голову) начиная с двухлетнего возраста. Ответственность возлагалась на начальников районов и волостей, которые также должны были обеспечить лошадей сеном на одни сутки. Владельцы должны были иметь при себе документы на лошадь, в которых ставилась отметка о маллеинизации. За уклонение от процедуры или отсутствие отметки высказывалась угроза конфискации лошади [10, с. 23]. Данное мероприятие в округе проводилось ежегодно. С 10.03 по 21.03.1944 г. в Осиповичской райветлечебнице планировалось провести маллеинизацию конского поголовья из 9 волостей Осиповичского района и г. Осиповичи [11, с. 196].

Приказом по Глусской городской управе от 26.05.1943 г. жителям г. Глусска предписывалось 29.05.1943 г. к 7.00 привести в городскую ветлечебницу лошадей для проверки (выявление чесотки и т.д.). В случае опоздания владельца лошадь задерживалась на двое суток, а за уклонение от осмотра грозил штраф 1 000 руб. или 3-месячное заключение в трудовом лагере. Аналогичный приказ ранее издала и Глусская районная управа [12, с. 154, 183]. В марте 1943 г. аналогичные мероприятия по инициативе сельскохозяйственной комендатуры проводились на территории Клецкого района. Коневладельцы были обязаны с 4.03 до 23.03.1943 г. привести в Клецк лошадей для осмотра, имея при себе свидетельство об осмотре за 1942 г. [13, с. 16].

Рейхскомиссар Украины в своем циркуляре генеральным комиссарам от 5.03.1942 г. требовал принять меры по борьбе с болезнями овец (парши и др.), поскольку в будущем регион предназначался для разведения овец, для чего планировалось привезти из Германии необходимые средства. В приложении пересылались инструкции на русском языке относительно борьбы с паршой, в которых регламентировался производить обследования поголовья (отмечалось, что в реальности заболеваний значительно больше, нежели указывается в статистических отчетах), организовывать стационарные и переносные купальни для овец [14, с. 28].

Несмотря на профилактические мероприятия эпизоотическая обстановка в годы оккупации оставалась сложной, что признавали местные власти различных территориально-административных единиц. В отчете о деятельности Осиповичского окружного управления за ноябрь 1943 г. отмечался рост заболеваний домашних животных, в первую очередь, заболеваний органов пищеварения, причиной чему, по мнению администрации служило неправильное питание и дефицит кормов, а также небрежное обращение с животными [15, с. 51]. В аналогичном отчете об эпизоотической ситуации в Пинском Западном районе за 1-ый квартал 1943 г. отмечалось заболевание лошадей лимфогитом, случаи свиной чумы в двух населенных пунктах (часть свиней пала или была зарезана). В районе работал следующий ветеринарный персонал: ветврач, заведующий районной ветлечебницей в Жабчицах, ветфельдшер, санитар-дезинфектор. За 1-ый квартал 1943 г. было осмотрено 216 животных (102 лошади, 68 голов крупного рогатого скота, 41 свинья, 5 животных других видов), за предоставление ветеринарных услуг было получено 1 589,5 карбованцев: 498,5 за медикаменты и 1091 за осмотр и консультацию. Ветперсонал провел 90 служебных выездов. Состояние скотомогильника оценивалось как удовлетворительное [16, с. 5–5 об.].

В докладной записке начальника Холопеничского района Березинскому окружному управлению и Холопеничской ортскомендатуре от 17.02.1944 г. констатировалось, что после проверки конского поголовья был установлен рост чесотки на 243 головы вместо имевшихся ранее 400 заболевших лошадей, что объяснялось прибытием на территории, подконтрольные оккупационным властям, лошадей из партизанских зон (очевидно, как результат проведенной карательной операции). В районе функционировало 3 противочесоточные газокамеры. За прошедший месяц в районе были зафиксированы 3 случая заболеваний свиней чумой, 1 случай заболевания бациллярной рожей и 2 случая пироплазмоза у крупного рогатого скота, причем констатировалось, что препаратов, необходимых для лечения данных заболеваний, не имелось. На фоне неблагополучной эпизоотической ситуации районная управа ходатайствовала перед фельдкомендатурой о выделении значительного количества медикаментов, биопрепаратов и инструментов [17, с. 56].

Аналогичную ситуацию констатировала и Бобруйская городская управа. В распоряжении бургомистра Бобруйска от 13.01.1944 г. «О борьбе с чесоткой лошадей» отмечалось значительное увеличение количества лошадей, пораженных чесоткой, причем, по данным городской администрации, их владельцы не только не подвергали их

лечению, но и использовали на работах вместе со здоровыми лошадьми, распространяя болезнь. Бургомистр предупреждал владельцев лошадей о наказании в случае обнаружения ветнадзором чесоточных лошадей и обязывал в течение 24 часов подать заявление о болезни животного в домоуправление. Домоуправлениям вменялось в обязанность составить списки больных лошадей, передав копию городскому ветврачу; на воротах дворов, в которых имелись чесоточные лошади, необходимо было вывешивать объявление на немецком и русском языках [18, с. 23].

С осени 1941 г. и на протяжении всего периода оккупации неоднократно издавались распоряжения относительно содержания собак. В целях профилактики борьбы с бешенством их владельцам предписывалось держать всех собак (а в некоторых случаях и кошек!) на привязи. Полиции приказывалось отстреливать свободно бегущих животных. Немедленному уничтожению подлежали также животные, больные бешенством и с подозрением на заболевание бешенством, трупы животных следовало глубоко закапывать. Исключение составляли служебные и охотничьи собаки и сельскохозяйственные животные, которые ввиду своей ценности могли быть подвергнуты предохранительным прививкам и 6-месячному ветеринарному наблюдению [19, с. 74; 20, с. 350].

Наличие животных, больных бешенством, в ряде случаев наносило урон людям и домашним животным. В административной переписке коллаборационной администрации фиксировались случаи укусов бешеными собаками домашнего скота, который приходилось забивать [21, с. 9]. Могилевский бургомистр 6.09.1943 г. предписал начальнику уголовно-розыскной полиции немедленно изъять у двух граждан теленка и свинью, покусанных бешеной собакой, и доставить их на бойню; городскому ветврачу произвести осмотр мяса [22].

Был регламентирован порядок отлова бродячих животных. В распоряжении Слонимской городской управы от 29.09.1942 г. отмечалось, что специально назначенный городской собаколов обязан производить отлов собак ежедневно с 7.00 до 9.00 и с 18.00 до 19.00. Пойманную собаку надлежало держать двое суток, после чего она уничтожалась. Если владелец желал забрать животное, он уплачивал 2 марки собаколову. Шкуры и жир убитых животных поступали в распоряжение городской управы [23, с. 55]. Полевая комендатура в письме к бургомистру Могилева 5.01.1942 г. отмечала, что изданный им ранее приказ о борьбе с бешенством и уничтожении всех бродячих собак не выполняется. Главе городской администрации предлагалось назначить специального ловца собак (как это практиковалось до войны) с оплатой 1 марка за каждую пойманную собаку. Шкуры убитых собак с целью контроля надлежало сдавать в комендатуру [24, с. 21].

Коллаборационная администрация предпринимала попытки взять на ветеринарный контроль систему общественного питания и торговли. На основании приказа № 104 по Лепельскому окружному управлению от 16.11.1943 г. в целях контроля за выпускаемыми и продаваемыми продуктами питания предписывалось установить ветеринарно-санитарный надзор за скотобойней, складами мясной продукции, столовыми и рынками округа. Районные ветеринарные лечебницы были обязаны осматривать и клеймить мясо, идущее на продажу. Надзор осуществляли районные ветврачи, а в г. Лепеле окружной ветврач, который совместно с полицией осуществлял общий контроль за выполнением приказа [25, с. 174–174об]. Практика ветеринарного осмотра продаваемого на рынках мяса вводилась повсеместно, но не всегда давала эффект. Например, санитарный врач Бобруйска в марте 1944 г. жаловался городскому ветеринарному врачу на частое отсутствие сотрудника в ветлаборатории, которого продавцы не могут застать на месте [26, с. 69].

Обязательному ветеринарному осмотру подлежал павший скот. Ветеринар или глава местной администрации, составляли специальный акт. Староста дер. Нивки Тереховского района 13.05.1943 г. составил акт в том, что принадлежавшая жителю этой деревни кобыла трех лет пала по причине воспаления кишечника [27, с. 13]. Брест-

ская городская ветеринарная лечебница 5.11.1942 г. выдала гражданину справку о том, что принадлежавший ему конь 22 лет пал в результате хронической болезни (катар желудка и кишечника) [28, с. 4]. В акте ветврача Березинского района от 26.07.1942 г. отмечалось, что переданная районной Заготбазе корова заболела злокачественной катаральной горячкой тяжелой формы. Предписывалось безотлагательно произвести убой животного, а мясо использовать в пищу только после предварительного ветеринарно-санитарного осмотра [29, с. 117–117об].

Оккупационные власти пытались рационально использовать павших животных. Согласно приказу Барановичского гебитскомиссара, опубликованном в Листке правительственных объявлений комиссара Барановичского округа от 28.12.1941 г. предписывалось все трупы павших коней после ветеринарного осмотра доставлять на лисью ферму в Новой Мыши в качестве корма для разводимых там лис. Самостоятельное захоронение трупов павших животных не разрешалось [30, с. 1]. Аналогичная практика существовала в рейхскомиссариате «Украина». На основании распоряжения начальника Лунинецкого района Пинского округа от 22.01.1944 г. местному населению предписывалось сдавать павший в результате инфекционных заболеваний скот на салотопку, а шкуры животных после освидетельствования ветеринара сдавать в Заготконттору. Животных, павших от острых инфекционных заболеваний, надлежало сжигать в поле, немедленно сообщая о факт болезни местной администрации [31, с. 2].

Поскольку владельцы лошадей были обязаны исполнять гужевую повинность, в случае болезни лошади граждане обращались к ветврачу за получением свидетельства, в котором указывался срок освобождения от работы. Так, житель Клецкого района 13.05.1943 г. получил свидетельство районного ветврача о болезни лошади с освобождением от тяжелых работ до 1.12.1943 г. [32, с. 40]. 29.09.1942 г. жителю Пинского района старшим ветеринаром района была выдана справка в том, что принадлежавшая ему кобыла больна воспалением слизистой оболочки, на основании чего лошадь освобождается от работы на три дня [33, с. 9].

Карантинные мероприятия

На основании распоряжения Пинского гебитскомиссара в 1942 г. по причине распространения ящура был введен карантин в Лунинецком районе. До полной ликвидации эпизоотии предусматривались следующие ветеринарные мероприятия: запрещался перегон скота за пределы района и выпас его на пастбищах вне района, убой скота без надзора ветперсонала, поставка молока больных коров на маслозаводы, вывоз из района поставка государству мяса и фуража. Молоко для нужд населения предписывалось употреблять только в переработанном виде, на въездных дорогах устанавливались таблички на украинском языке с информацией об эпидемии, организовывалось дежурство сторожей, в охваченных эпизоотией хозяйствах проводилась дезинфекция едким натром [14, с. 103].

После введения карантина составлялся специальный акт. 10.12.1942 г. ветврач Лемешевского ветпункта Пинского района ввел карантин в госимении Бижеревичи по причине падежа свиней от рожи. К моменту составления акта (29.12.1942 г.) после поголовной термометризации и осмотра оставшегося поголовья констатировалось, что животные здоровы, карантинные мероприятия сняты. В процессе карантинных мероприятий был вывезен и сожжен навоз, проведена дезинфекция [14, с. 100].

В Ленинском районе Пинского округа в 1942 г. был определен порядок действий на случай вспышки эпизоотии. Владелец заболевших животных был обязан сообщить об этом старосте деревни или напрямую ветеринару. Староста пересылал заявление в волостную управу и обеспечивал до прибытия ветврача изоляцию заболевших животных, перевод здоровых животных в другое помещение. Запрещалось выводить скот

из данного хозяйства на пастбище и приводит сюда скот из других хозяйств, входить сюда посторонним лицам. Труп павших животных необходимо было сохранять до прибытия ветврача, запрещалось снимать шкуру [34, с. 1]. Иллюстрацией функционирования карантинных мероприятий служит вспышка эпизоотии в дер. Запросье Микашевичской волости Ленинского района в июне 1942 г. В Запросье в двух хуторских хозяйствах скот заболел ящуром. Заведующий ветеринарным фельдшерским участком оповестил Микашевичское волостное управление о случившемся и предложил принять следующие меры: изолировать больных животных, здоровый скот из этих хозяйств не выпасать на общинном пастбище, а пасти около домов, не допускать сюда скот с соседних хуторов, прекратить сдачу молока из этих хозяйств, воспрепятствовать жителям зараженных хуторов выходить за пределы хозяйств, а также запретить посещение Запросья населению из-за Припяти, поскольку, по его мнению, эпизоотия перекинулась с территории Столинского района [34, с. 9].

Карантинные мероприятия могли охватывать как целые районы, потерпевшие от эпизоотии, так и отдельные деревни или дворы. Согласно приказу Могилевского городского управления от 20.02.1942 г. в целях предотвращения распространения ящура дворы двух жителей были подвергнуты карантину. Карантинные мероприятия предусматривали ограничение доступа во дворы посторонних лиц и животных, восприимчивых к эпидемии. Граждане, ухаживающие за животными, должны были иметь отдельные галоши и халат, обязательно дезинфицировать руки и обувь. Средства дезинфекции размещались при входе во двор и в помещения, в которых находился больной скот. Молодняк предписывалось изолировать от остального скота. Молоко и сливки, полученные от зараженных животных, разрешалось использовать только внутри хозяйства в пищу людям и скоту только после обработки (кипячение или подогрев до 80 °С в течение 30 мин.). Хозяева зараженных животных получали предписания, как о них заботиться: больных животных ежедневно необходимо было обеспечивать чистой подстилкой, достаточным количеством чистой воды и специальным питанием (болтушка из отрубей и сена). Скотный двор, загоны и предметы ухода ежедневно необходимо было очищать и раз в три дня дезинфицировать 2%-м раствором едкого натрия, поилки и кормушки обрабатывались 3–5%-м раствором бельевой соды; дезинфекционные средства выдавала ветлаборатория [20, с. 88]. Согласно распоряжению Могилевского бургомистра от 26.05.1942 г., начальнику городской полиции предписывалось установить два заградительных поста (по направлению Луполово и на стыке Гомельского и Оршанского шоссе) с целью избежать проникновения в город животных, больных ящуром [35, с. 290].

Заключение

Вынужденное внимание немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации к ветеринарным мероприятиям явилось следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории Беларуси. Испытывая острый дефицит гужевого транспорта и заинтересованные в регулярных поставках мяса для нужд вермахта, оккупационные власти пытались минимизировать урон для постоянно сокращающегося поголовья скота, страдавшего от эпидемических заболеваний. Тем не менее оккупационные власти не смогли взять ситуацию под контроль. Сокращение поголовья скота вследствие эпизоотии еще более осложняло возможность выживания гражданского населения в тяжелейших условиях оккупационной повседневности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 23.

2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 2.
3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 178.
5. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 163.
6. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 9.
7. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 15.
8. Государственный архив Минской области (ГАМинО). – Фонд 1566. – Оп. 1. – Д. 5.
9. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 51.
10. ГАМинО. – Фонд 1604. – Оп. 2. – Д. 3.
11. ГАМО. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 9.
12. ГАМинО. – Фонд 1613. – Оп. 1. – Д. 7.
13. ГАМинО. – Фонд 1538. – Оп. 1. – Д. 69.
14. ГАВО. – Фонд 2734. – Оп. 1. – Д. 17.
15. ГАМО. – Фонд 847. – Оп. 2. – Д. 1.
16. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 2735. – Оп. 1. – Д. 74.
17. ГАМинО. – Фонд 1039. – Оп. 1. – Д. 49.
18. ГАМО. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 20.
19. ГАВО. – Фонд 2134. – Оп. 1. – Д. 8.
20. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 156.
21. ГАГО. – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 4.
22. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 26.
23. Государственный архив Гродненской области (ГАГрО). – Фонд 660. – Оп. 1. – Д. 2.
24. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 22.
25. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1.
26. ГАМО. – Фонд 858. – Оп. 3. – Д. 4.
27. ГАГО. – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 22.
28. ГАБО. – Фонд 192. – Оп. 1. – Д. 32.
29. ГАМинО. – Фонд 1039. – Оп. 1. – Д. 225.
30. ГАБО. – Фонд 684. – Оп. 1. – Д. 4.
31. ГАБО. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 43.
32. ГАМинО. – Фонд 1540. – Оп. 1. – Д. 48.
33. ГАБО. – Фонд 2734. – Оп. 1. – Д. 19.
34. ГАБО. – Фонд 2733. – Оп. 1. – Д. 49.
35. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 20.

Greben E.A. Veterinary Service in Belarus during the Nazi Occupation

On the basis of a great amount of archival documents it is examined such unexplored aspect of Nazi economical policy in Belarus as veterinary service. It is pointed out that the breaking of prewar veterinary structures functioning, high cost of veterinary services, chaotic movement of domestic animals after forced migration of population on the occupied territory increased epizootic diseases dramatically in comparison with the prewar situation. This fact decreased flocks of livestock and made severe occupation more difficult. The mechanism of veterinary structures functioning of the occupation authorities is reconstructed. Measures against epizooty are characterized on the concrete examples. It is stated that forced attention of German occupation authorities was as a result of the dramatic decline of livestock on the occupied territory.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.09.2012